

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ

В статье проведен анализ соотношения понятий судопроизводство и правосудие; выделены этапы становления и развития системы российского уголовного судопроизводства; освещен советский этап развития уголовного судопроизводства и становление современной системы уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правосудие; уголовное судопроизводство; этапы развития уголовного судопроизводства в России.

В современном русском юридическом языке слова судопроизводство и правосудие рассматриваются в качестве синонимов. Считаю такой подход, особенно в области уголовного процессуального права, неверным.

Во-первых, судебное производство, представляющее собой специализированный механизм разрешения юридических конфликтов, установления степени виновности правонарушителей и определения вида и меры ответственности/наказания за совершенное правонарушение, приобрело четкие формальные очертания в России только с появлением профессиональной юстиции. Становление системы юридического образования и науки начинается в российском государстве в XVIII в. с появлением первых отечественных университетов. Именно с этого периода, и никак не ранее, можно говорить о российском судопроизводстве как о системе профессиональной юридической деятельности. Вплоть до XVIII (а точнее, до XIX в.) отечественное судопроизводство относилось не к юридической, а к управленческой деятельности и осуществлялось лицами, наделенными административно-властными полномочиями (князьями, боярами, императорами, губернаторами и т. п.), не имевшими правового образования и вершившими суд не по праву, а по собственной воле и собственному представлению о справедливости.

Во-вторых, применительно к системе уголовного судопроизводства более точным будет название «система уголовного законосудия». И УК и УПК Российской Федерации, оперируют исключительно терминами «закон» и «законодательство». В частности, статья 1 УК «Уголовное законодательство Российской Федерации» гласит: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий кодекс». То же самое, по сути, положение содержится в ст. 1 УПК «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства», в которой говорится: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом».

Российский судья судит не по праву в теоретико-философском его понимании (допускающем существование противоправных законов и, как следствие, правомер-

---

* © Ромашов Р.А., 2015

Ромашов Роман Анатольевич (nach@samlawin.ru), юридический факультет, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 192238, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Ю. Фучика, 15.

ность противозаконного поведения), а по действующему закону, являющемуся для судьи юридической истиной. Кстати, такой же юридической истиной является вступившее в законную силу судебное решение (независимо от категории судей, которые его вынесли). В данном случае считаю некорректными заявления ряда высокопоставленных чиновников (многие из которых имеют высшее юридическое образование), о том, что российские суды часто выносят ошибочные решения. Безусловно, судьи, являющиеся живыми людьми, ошибаться могут и ошибки, в том числе в своей профессиональной деятельности, совершают, но суд как государственный орган (так же, как и государство в целом) представляет собой механизм, в определенной степени абстрагированный от личностных взглядов, устремлений и переживаний участников судебного процесса (судей, прокуроров, адвокатов). Судебная ошибка конкретного судьи, будучи совершенной, может и должна устраняться на последующих стадиях судебного процесса (апелляционной и кассационной). Если этого не происходит, то говорить следует не об индивидуальной некомпетентности отдельно взятого судьи, а о несовершенстве судебной системы государства в целом.

В-третьих, судопроизводство представляет собой процессуальный институт, действующий на всех этапах общественного развития, в том числе и в так называемые переходные периоды, когда прежняя правовая система уже не действует, а новая еще не создана. В этих случаях в качестве судебных инстанций выступают чрезвычайные органы (трибуналы, комиссии, совещания и др.), принимающие решения не на правовой/законодательной основе, а руководствуясь, к примеру, «революционной целесообразностью». В таких ситуациях судопроизводство представляет собой не правовой институт, а инструмент административного волюнтаризма, акцентированного исключительно на карательное воздействие.

Вывод: понятия «судопроизводство» и «правосудие» соотносятся как целое и часть. *Правосудие — одна из форм судопроизводства, возникающая на определенной стадии его развития, характеризующаяся наличием профессиональных кадров (имеющих юридическое образование судей) и структурированной законодательной системы, регламентирующей судебную деятельность, а также имеющая действенную систему «противовесов», предотвращающих вредоносные последствия возможных судебных ошибок и других злоупотреблений.*

Говорить о существовании специализированной системы уголовного судопроизводства (уголовного законосудия) применительно к древней и средневековой Руси не имеет смысла. Суд в этот период являлся прерогативой лиц, наделенных властными полномочиями, и принципиальным образом не отличался от других видов административно-управленческой деятельности. «Не только в княжеский, но и в царский период нашей истории государи участвовали непосредственно и лично в отправлении правосудия» [1, с. 250].

Функциональное обособление судебной деятельности от управленческой началось при Петре I и завершилось в период царствования Александра II. В ходе проводимой им судебной реформы в Российской империи не только была создана формализованная и четко структурированная судебная система, объединявшая разноуровневые органы судопроизводства (Мировые суды, Съезды мировых судей, Окружные суды, Судебные палаты, Правительствующий Сенат), но и законодательно определен ее статус как самостоятельной, внесловной «судебной власти» [2, с. 20–21]. По мнению М.В. Немытиной: «Суд, введенный в России уставами 1864 г., представлял собой феномен демократического суда в условиях абсолютистского государства» [3, с. 6] Считаю, что именно этим обстоятельством, а не пресловутыми контрреформами было обусловлено торможение реформационных изменений и практическое сведение их «на нет» в начале XX в., когда и общество, и власть предпочли правовым сред-

ствам диалога инструменты конфликта, в итоге приведшие Великую империю к революции и разрушению. В связи со сказанным, еще раз процитирую М.В. Немытину, с которой солидарен в том, что «Положение, сложившееся в российском судебном ведомстве в связи с принятием уставов 1864 г., ассоциируется с состоянием судебной власти в стране сегодня. И эти параллели далеко не в пользу современного процесса реформирования – в нашем отечестве не принято извлекать уроки из прошлого, чтобы избежать ошибок в настоящем, горьких разочарований и непоправимых последствий в будущем» [3, с. 5–6].

Система советского, равно как современного российского судопроизводства, характеризуется, прежде всего, очень малым (с точки зрения исторической хронологии) временным промежутком стабильного существования. Применительно к советскому судопроизводству, если исключить революционный и репрессивно-военный периоды, когда говорить о правовой природе судебных решений можно только в том случае, если отождествлять понятия «право», «революционная законность», «социалистическая законность», получается период около 40 лет (начиная с 1953 г.). Если рассматривать специфику советского суда, то следует акцентировать внимание на следующих аспектах:

- советский народный суд являлся государственным учреждением, существовавшим и действовавшим в четком соответствии с государственной политикой, основанной на коммунистической идеологии;

- концептуальной основой судебной деятельности являлась концепция «социалистической законности», предполагавшая дифференциацию истинной (социалистической) и ложной (буржуазной) законности. Тем самым на законодательном уровне устанавливалась система «двойных стандартов» в судебной деятельности;

- законодательной основой уголовного судопроизводства являлась система нормативных правовых актов, в комплексе образующих бланкетный законодательный массив. Нормы общей части уголовного законодательства содержались в федеральном законе: «*Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик*». В свою очередь, нормы особенной части закреплялись в республиканских уголовных кодексах. Таким образом, формально в СССР соблюдался принцип федерализма, в соответствии с которым общие положения уголовной политики государства определялись на общесоюзном уровне, а составы конкретных преступлений и ответственность за них закреплялись в кодифицированных законодательных актах, принимаемых на уровне субъектов советской федерации;

- государство и государственные интересы рассматривались в качестве приоритетного объекта правовой охраны и судебной защиты по сравнению с правами и законными интересами личности. Применительно к системе уголовного судопроизводства это проявлялось, к примеру, в различных по степени тяжести наказаниях за совершение преступлений против государственной и личной собственности;

- деятельность судебной системы на всех исторических этапах развития советского государства характеризовалась обвинительно-карательной направленностью.

Репрессивный характер практической судебной деятельности в первое десятилетие советской власти причудливым образом сочетался с либеральным характером уголовно-правового законодательства, закреплявшим достаточно мягкие санкции. Такая «нестыковка», объясняется, на мой взгляд, в первую очередь очень низким уровнем профессиональной юридической подготовки советских судей, выносивших приговоры не в соответствии с Законом, а руководствуясь собственным революционным правосознанием. Кроме того, не следует забывать, что первоначально советская власть рассматривала общеуголовный элемент как классово близкий, что также влияло на определение мер уголовно-правовой ответственности.

Укрепление и стабилизация современного российского государства, как правило, связывается с началом в 2000 г. «президентства» В.В. Путина и насчитывает на сегодняшний момент 15 лет относительно спокойного и последовательного политико-правового развития. Естественно, делать какие бы то ни было серьезные и основательные выводы, исходя из столь малого времени практической апробации заявленных планов переустройства Российского государства в целом и судебной системы в частности, не приходится. Однако использование метода аналогий позволяет говорить об определенных тенденциях и наметившихся закономерностях в процессах формирования и функционирования российского уголовного судопроизводства.

Провозглашение Российской Федерации демократическим правовым государством (эту характеристику избрали для себя практически все государства, получившие независимость и суверенитет в результате распада СССР) актуализировало дискуссию по поводу соотношения понятий «право» и «закон», а также формах, средствах и методах правового ограничения государства. На смену концепции социалистической законности пришла «законность правовая/правозаконность». Много говорилось о правовой сущности законодательной и законоприменительной (и в том числе судебной) деятельности. Провозглашалось верховенство «новой» Конституции «новой» России во всех сферах правовой и политической жизни. В стране и ряде ее субъектов (преимущественно национальных республиках) были созданы «конституционные храмы» — конституционные суды, служители которых заявляли о своем прерогативном праве общаться не только с текстом, но и с «духом» Конституции. Появились работы «Наш трудный путь к праву», «Восхождение к праву» и др., исходя из названия которых, можно было сделать вывод, что в СССР права не было, а сегодняшняя Россия находится в состоянии движения к «его сияющим вершинам», с достижением которых, надо полагать, и связывалось обретение «обетованной» правовой государственности. Лично мне это чем-то напоминает движение страны моей юности, стремившейся к столь же прекрасным и ничуть не менее символическим вершинам коммунизма. «Пики коммунизма» остались непокоренными, равно как и другие идеальные цели, задающие направление общественного развития. Демократическое правовое государство, правовая законность и правосудие стали общеупотребимыми терминами, не вызывающими сколько-нибудь ярко выраженных реакций. Что же касается конкретных изменений, происшедших в структуре и содержании системы уголовного судопроизводства, то они сводятся к следующим новациям.

Прежде всего был кардинальным образом изменен принцип формирования системы уголовного законодательства. Если в СССР уголовное законодательство представляло собой комплексное образование, объединявшее федеральный закон (Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, содержавшие нормы общей части) и законы субъектов (республиканские уголовные кодексы, содержавшие нормы особенной части), то в Российской Федерации начиная с 1997 г. действует единый общесоюзный Уголовный кодекс, в структуре которого объединены общая и особенная часть, нормы которой распространяют свое действие на все субъекты Российской Федерации и могут изменяться только в порядке, предусмотренном для изменения федеральных законов.

В структуру органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, были включены мировые судьи и суды присяжных.

В уголовный процесс были включены новые стадии (особый порядок судебного разбирательства, в т. ч. при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, производство в суде апелляционной инстанции и др.), обусловленные стремлением законодателя усилить эффективность уголовного судопроизводства.

Был продекларирован переход уголовного судопроизводства от обвинительной модели к состязательной.

Признавая значимость проведенных преобразований в области уголовного судопроизводства России, вместе с тем, к сожалению, приходится констатировать, что перейти от советской системы уголовного судопроизводства к демократической системе уголовного правосудия пока не удалось.

Уголовный суд России продолжает оставаться обвинительным, о чем, прежде всего, свидетельствует тот факт, что абсолютное большинство приговоров, выносимых судами по уголовным делам, являются обвинительными. Действующий УПК, к стороне обвинения относит и должностных лиц, осуществляющих дознание, и следствие по уголовным делам, что автоматически причисляет их к лицам, непосредственно заинтересованным именно в обвинительной интерпретации фактов и обстоятельств по рассматриваемому делу.

Включение в структуру уголовных судов мировых судей имело своей основной задачей увеличение штата судебных работников и своего рода «разгрузку» федеральных судей. Современный мировой судья, в отличие от своего «аналога» в Императорской России, не является частью «мира общины», в которой он разрешает возникающие конфликты и не руководствуется в своей процессуальной деятельности принципом приоритета мирового соглашения сторон по отношению к пресловутой «объективной истине».

Решения, выносимые судами присяжных, подвергаются повсеместной критике как ошибочные, проводится постоянная ограничительная коррекция перечня дел, отнесенных к подсудности этого органа судопроизводства.

Перечисленные факторы ни в коем случае нельзя оценивать ни как неудачу реформы в целом, ни как ошибочность ее основных ключевых положений. Россия как самостоятельное суверенное государство находится на первоначальном этапе своего становления. То же самое можно сказать об отечественной судебной системе. Путь к реальному правосудию сложен и тернист, но идти по нему необходимо, если мы хотим построить в своей стране судебную систему, способную не только карать человека, но и защищать его.

Библиографический список

1. Романович-Славотинский А. Система русского государственного права. Киев, 1911. Ч. 1. 308 с.
2. История российского правосудия: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.А. Воротынцева, А.А. Демичев, О.В. Исаенкова [и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. 448 с.
3. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов: СЮИ МВД РФ, 1999.

References

1. Romanovich–Slavotinski A. System of Russian state law. Kiev, 1911, Part 1, 308 p. [in Russian].
2. A.A. Vorotyntseva, A.A. Demichev, O.V. Isaenkova, N.A. Kolokolov et al. History of Russian justice: educational book for university students studying for a degree in Law. N.A. Kolokolov (Ed.). M., IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2009, 448 p. [in Russian].
3. Nemytina M.V. Court in Russia: second half of the XIX – beginning of the XX Century. Saratov, SJuI MVD RF, 1999 [in Russian].

R.A. Romashov*

CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA

In the article the analysis of the relationship between the concepts of procedure and justice is carried out; stages of formation and development of Russian system of criminal justice are identified; Soviet stage of development of criminal justice and formation of modern system of criminal justice is lit.

Key words: justice; criminal justice; stages of development of criminal proceedings in Russia.

---

* *Romashov Roman Anatolievich* (nach@samlawin.ru), Law Faculty, Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 15, Fuchika Street, Saint–Petersburg, 192238, Russian Federation.